

АНДРЕЙ СМИРНОВ

НИКА БЫЛА ОДНА БАБА

Андрей Сергеевич Смирнов

Жила-была одна баба

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74079452

Жила-была одна баба: [киносценарий] / Андрей Смирнов; [предисловие

А. Смирнов]: Мастерская СЕАНС; Мастерская СЕАНС; 2011

ISBN 978-5-905669-01-9

Аннотация

В книге опубликован литературный сценарий фильма «Жила-была одна баба», написанный известным российским режиссером и кинодраматургом Андреем Смирновым. Работа над сценарием шла более десяти лет. В центре сюжета судьба крестьянки Тамбовской губернии Варвары с 1909 по 1921 год.

Содержание

Предисловие	5
Жила-была одна баба	10
Часть первая	10
1909	11
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Смирнов Жила-была одна баба. Киносценарий

Издатели выражают благодарность заведующей Научным архивом ИИМК РАН Галине Длужневской

Фотография на обложке: Неизвестный фотограф. Переселенцы на крытой платформе станции Вятка. 1908–1909 (из собрания ИИМК РАН)

Предисловие *А. Смирнов*

СЕАНС

© Андрей Смирнов, 2011

© ООО «Мастерская СЕАНС», 2011

Предисловие

«Читатели газет – глотатели пустот...» Это мы знаем от Марины Ивановны.

А читатели сценариев? Существует ли в природе такая оригинальная порода читателей? Можно ли представить себе читателя в трезвом уме, который предпочтет сценарий прозе? Так называемая киноповесть – все равно сырье, полуфабрикат, промежуточный продукт. И возникает резонный вопрос: зачем публиковать сценарий, если есть готовое кино, по нему снятое?

Западная, по примеру американцев, сценарная запись, постепенно утвердившаяся и у нас, на наш чувствительный русский взгляд кажется сухой и голой: слева – действие, справа – диалог, протокол будущей съемки, и ничего более, никаких эмоций, никаких прозаических красот. Такой текст интересен разве будущему режиссеру или продюсеру, нормальному человеку читать его скучно. Зато он куда практичней – считать деньги, которые понадобятся для постановки, по протоколу и проще, и естественней.

Стоит заметить, что жанр киноповести – чисто советский вклад в мировую культуру. Нигде в мире не известен этот странный симбиоз идеологической драматургии с лирикой. Наша сценарная школа традиционно косила под прозу. Она складывалась в тридцатые годы прошлого века, с появлени-

ем звука в кино, точнее – речи, и со временем дала таких превосходных мастеров, как Евгений Габрилович, Екатерина Виноградская, Юлий Дунский и Валерий Фрид, Юрий Клепиков, Наталья Рязанцева, Александр Миндадзе.

Как и отчего возникло это устойчивое тяготение к прозаической оркестровке сценарного замысла? Наверяд ли на заре отечественного кино драмоделы Дранкова и Ханжонкова писали под Толстого и Достоевского.

А кто заведовал кинематографом в эти самые тридцатые годы, когда созрела и заработала на полную мощь машина сталинского террора и тотального идеологического контроля? Кто был тот чиновник, который говорил последнее «да» или «нет», решал, какому сценарию дадут зеленую улицу государственного финансирования, а какой отправится в корзину? Люди эти были или старые партийцы, вроде Шумяцкого и Малиновской, или кадровые чекисты, вроде Дукельского, в идеологии бдительные, но в специфике нового искусства разбиравшиеся слабовато. А сценаристу, грешному, жизненно необходимо было этих партийных дубов заморозить, увлечь перспективой художественно яркой и идеологически девственной победы, сулившей награды и расположение пахана. Вот так и пришли в наше сценарное письмо и укоренились в нем лирические отступления и даже пейзажные зарисовки.

Руководителям, правда, бдительность не помогла – Шумяцкого расстреляли, Дукельский куда-то исчез, Малинов-

ская, по слухам, сгинула в ГУЛАГе.

А сегодня... Я восхищаюсь высоким профессионализмом своих молодых коллег Андрея Звягинцева или Тимура Бекмамбетова, но мне за ними уже не угнаться. Снимаясь у Звягинцева, я с увлечением следил за тем, как он работает на площадке с секундомером в руках – длинный кадр со сложным движением камеры и сменой мизансцены уложен в голове у режиссера не только в пластический, но и в четкий ритмический рисунок. И это правильно, потому что позволяет сэкономить деньги и труд съемочной группы.

Сам я так работать не научился. Ирина Третьякова, замечательный второй режиссер, просчитав с секундомером наш режиссерский сценарий, сказала мне в ужасе: «Да тут не на два с половиной часа, а на все пять!» Мне пришлось признать, что она права. «Но ведь это означает, что мы кучу денег и усилий потратим зря, эти сцены не войдут в картину!» И тут она была права. Я объяснил, что после многолетнего сидения над сценарием выжат как лимон и не вижу, как сократить его до нужного объема, а добросовестные попытки других людей проделать эту работу за меня вызывают у меня приступы бешенства. Ирина поглядела на меня, как на больного, вздохнула и сказала: «Ну, что же, будем работать по этому сценарию».

В советском кинорежиссер поневоле становился профессиональным лгуном. Если ты хотел снять что-нибудь, хоть немного отличное от обычной жвачки, ты должен был пря-

тать свои намерения – писать одно, снимать другое, монтировать третье. Не показывать худсовету и парткому самые эффектные кадры, вставлять сцены, которые временно усыпят бдительность начальства, а потом будут выброшены. К несчастью, все равно приходил момент расплаты – сдача готовой картины, тут и начиналась катастрофа, борьба за каждый кадр, за каждую реплику...

Слава богу, сегодня эти уловки не нужны, цензура в российском кино приказала долго жить, и хотелось бы думать – навсегда.

Но путь от сценария к фильму по-прежнему долог, труден, извилист.

Я всегда с завистью и подозрением вспоминал классическое высказывание Рене Клера: «Мой фильм готов, осталось его снять». Думаю, все же лукавил мастер с присущей его соотечественникам тягой к блестящей фразе.

Потому что, как бы тщательно ты ни рассчитал метраж кадра, как бы здорово ни играли актеры и ни снимал оператор, в тот момент, когда ты соберешь снятый материал за монтажным столом, ты увидишь – все пропало, мелодия, которая была отчетливо слышна в сценарии, потерялась, она то пробуксовывает, то бормочет скороговоркой. Тебе предстоит пережить отчаяние от собственной бездарности, каждый день задаваться сакраментальным вопросом – где были мои глаза и уши на съемке этой сцены? Потом придется шаг за шагом избавиться ото всего, что не получилось и чего нель-

зя исправить монтажом или озвучанием и, наконец, забыть сценарий. Забыть его, чтобы построить фильм.

Потому что у фильма своя мелодия, и ее нужно слышать. Когда наконец сложатся несколько эпизодов и она вдруг зазвучит, все начинает меняться – концы и начала сцен, важное и второстепенное, линии, которые казались необходимыми, исчезают, а другие неожиданным образом переплетаются. Самый счастливый момент в этом мучительном процессе – когда ты перестаешь принимать решения, складывающийся материал ведет тебя, он сам меняет ритм и способ рассказа. Говоря современным языком, фильм рождается по мере того, как возникает принципиально иной способ подачи информации.

Перед вами первый законченный вариант сценария, записанный старым советским способом. Кому он может быть интересен? Киноведе, который любит сравнить фильм со сценарием, чтобы уличить режиссера в вопиющих проколах? Студенту ВГИКа или режиссерских курсов? Или просто любопытствующему чайнику?

Автор будет рад каждому читателю.

Андрей Смирнов, 2011 год

Жила-была одна баба

Киносценарий

Часть первая

Старый режим

За темными стволами сосен поблескивает вода. Над лесным озером курится туман.

В кустах на берегу показывается волк. Он бесшумно спускается к воде и жадно пьет. Раздается глухой удар колокола. Волк кидается в чашу.

Над водой разносится колокольный звон.

Там, на дне озера, стоят избы, крытые соломой, давно сгнившей. Водоросли колышутся в провалах окон. Течение слегка покачивает плетеную зыбку. Пятясь, выползает из прорехи рак.

Колокол на заросшей колокольне ходит из стороны в сторону.

В иконостасе храма плывет стая рыбок. Удар колокола вспугивает их.

Луч света сквозь толщу воды падает на черную, заросшую плесенью икону.

Плесень тает, проступает лик Богородицы с младенцем.

– ...Боже пречистый и всяя твари содетелю... – слышен голос священника.

Иван и Варвара стоят у аналоя. Огоньки свечей выхватывают из полумрака лица шушукующихся баб, бороду мужика, осеняющего себя крестом. Хлопает дверь, шелестят на ветру бумажные цветы на голове у невесты.

– ...подаждь рабом твоим сим Иоанну и Варваре живот мирен, долгоденствие, целомудрие и сподоби я видеть чада чадов...

Священник надевает медный венец на голову Варваре. Булькает вода, капающая с потолка в переполненную бадью.

На клиросе переступают босыми ногами мальчишки-певчие. Один из ребяташек подставил другому рожки. Регент ухватывает его за ухо.

Глядя на них, Варвара смеется. Негодующе смотрит на нее отец Еремей. И в толпе замерли. Где-то хнычет ребенок.

– Устинья, унеси ты его Христа ради! – рявкает священник. – Всю службу нарушаешь! Тихо там, Иродово семя!

Он соединяет руки Ивана и Варвары.

– Исайя, ликуй! Дева име во чреве и роди сына...

В сарае бабы готовят постель. На доски укладывают ржаные снопы, застилают их рядом, несут перину.

Тетка Чуманиха, всклокоченная, уже пьяная, обходит кровать кругом, сыплет по углам маковое семя. Стелют простынь.

– Обожди, не гони...

Чуманиха роется в торбе, находит яйцо и, мелко закрестив его, засовывает под перину. Из кучи подушек выбирает одну, задирает простыню.

– Жопу горушкой. А то ишо промахнуть...

Бабы, смеясь, укладывают подушку, приносят лохань и утирку.

– Готово, матка.

Все смотрят на Чуманиху. Феклуша, сестра хозяина, сухая старая дева, наливает водки, подносит с куском пирога.

Чуманиха обходит постель, осеняя ее веткой рябины:

– Ангеле и все святые чудотворцы, Нифонт и Мароф, Киприан, Устинья, Конон Исаврийской, Димитрей Ростовской, Илья Пророк, Микола Чудотворец, Егорий Победоносец и царь Давыд, Иван и Власий и Никита Великомученик, и моя слова страшно и заговор силен, от Исусова Кряста, от Хрястовой печати, от святых помощи, отыди бес нечистой, дух проклятай на сухия древа, на мхи и болоты, от врага супостата...

Бабы в страхе крестятся.

В сумерках работник Гришка открывает ворота. Девки у крыльца поднимают крик:

– Привязли! Привязли!

Иван спрыгивает на землю, поднимая фонтан брызг. Он берет Варвару в охапку, несет к крыльцу.

Появляется Баранчик с иконой в руках, Феклуша в вывороченной шубе держит блюдо с зерном. Из-за ее спины с робкой улыбкой выглядывает Евсевна, мать Варвары.

Клашка, одна из девок, громко затягивает, остальные подхватывают:

– Золото с золотом свивалось,
жемчуг со жемчугом сокаталися,
да Иван и Варвара сходилися,
за единый стол становилися.
наша-то золото поярче да полутче...

Иван бросает на ступени овчину, ставит Варвару. Оба опускаются на колени. Баранчик делает в воздухе крест иконой.

– Бослови Бог!

Молодых осыпают зерном и хмелем. Евсевна плачет.

На улице мокнут лошади, телеги. На одной волчком вертится, ругаясь, инвалид без обеих ног. Подбегают двое мужиков, подхватывают его на руки.

– А ливенку-то!

Они забирают гармонь и бегом тащат безногого в дом.

Девки, тесно сбившиеся на дальнем конце стола, ведут

нестройным хором:

– ... Мне батюшкин хлеб
Есть не хочется,
Его хлеб полынь пахнет,
Темной горькою горчицей
Отзывается...

В избе стоит туман, розовый от заката. Окна облепили снаружи ребятишки и бабы. Мужик тербит парнишку-бала-лаечника:

– Матаню давай, Матаню!

Феклуша снует у столов, за ней хвостом ходят две бабы, Матрена и Крячиха.

– Студень с потрохов тута, поросеночек... Матренка, башка дурья, а курник? Курник самый и позабыли!

Бабы со стоном кидаются за курником.

С Баранчиком сидят солидные мужики, отец Еремей, дьякон Левонтий.

– ... На кой он нужон, депутат? Сидять, гутарють на казенном жалованьи. А моя покамест обратно двух девок принясла...

– Зямли от ей все одно не дожدهшься, от думы энтой...

– Гнать их, дармоедов.

– Прежних-то разогнали, а толку? Нешто новые лучше?

– Нонешний год грех жаловаться. Уродила, дай бог...

– А цана? Один убыток.

– На хлебушко Господь цены строить... – строго замечает старик Лыков, осеняя себя крестом, и все вздыхают, крестятся за ним.

Бабы разглядывают Варвару.

– Да ты поплачь, девка, не стыдися, – советуют ей. – Слезами умоешься – сердечку-то и веселей...

Варвара застыла, как истукан, сложив на коленях руки, не поднимая глаз. У Евсевны интересуются:

– Волос у тебе, матка, темной, а дочка белявая, ровно чухонка. Отчегой-то?

– Уж так Господь дал... – вздыхает она.

У крыльца сгрудилась толпа баб и ребятишек. Поют двое нищих, им подтягивает местный дурачок Мартынка в бабьем салопе.

– ...Сохрани и помилуй,
При путе при дороге,
При темной при ночи,
От бегучего от зверя,
От ползучего от змея,
Всех от скорби, от болезни,
Мать пречистая царица,
Святой Петр и Павел,
И Кузьма со Демьяном...

Слепой приземистый оборванец держится за локоть костлявого мужика с длинными, как у попа, волосами.

– Чего развылился, как по покойнику? – Феклуша сует им пирогов и селедок. – Свадьба тута, гуляютъ...

– А по такому прякрасному случаю! – наглой скороговоркой подхватывает длинноволосый. – Прикажи, хозяйошка, водочки православным божиим людям...

Слепой берет стопку, кланяется, бормочет тусклым голосом:

– Телесам на здравие, душам вечное спасение, грехам на прощение...

– С законным браком! – орет длинноволосый. – Дай бог хер поширше, целку потесней, штоб играла да пела, только б не скрипела...

В горнице безногий растянул свою ливенку с лихим перебором.

– Матаню давай! – кричат ему.

Старший сын Баранчика Егор, уже порядком пьяный, втискивается на лавку к девкам:

– И-эх, красны дявицы, пирожныя мастерицы! Раздайсь, голожопыя!

Они визжат, пихаются, сваливают его на пол.

– Ступай свою тискай, чорт плешивый!

В сенях толкучка, одни выходят, другие заходят. В толпе парней выделяется Аниска, смуглая, сильно нарумяненная бабенка в яркой шали.

Иван встает с места, пробирается к двери. Всё покрывают

переборы «матани». Девкам не стоитя, они притоптывают на месте.

Краем глаза Варвара видит, как в сенях Иван разговаривает с Аниской. Смеясь, блестя зубами, она отсыпает ему жменью семечек. Молодой мужик с бутылкой в руках пляшет и орет:

– Нонче праздник, водку пьем,
Завтре по миру пойдем,
Вы подайте Христа ради,
А то лошадь уведем!

Аниска поворачивается к парням и что-то говорит с ухмылкой, они гогочут. Иван бьет ее наотмашь. Слышен звон разбитого стекла, гремит упавшее ведро. Истошно визжит Аниска:

– Убивают, православный!..

В горнице стоит невообразимый шум – топот каблуков, переборы ливенки и пронзительный голос Клашки:

– ... Приезжали к мне сваты
На хромой кобыле,
Усю приданую забрали
Мине позабыли...

В сенях поднимают плачущую, с разбитым в кровь лицом Аниску.

– И-эх, нажаривай!

Безногий, приклонив к мехам отрешенное потное лицо, лихо переходит с матани на кадриль.

– Мой сад-виноград,

Зеленая роща.

Дак кто ж виноват,

Жена али теща?

Иван садится на место. Его окликают бабы.

– Пирог, говорю, горечь одна!

– Ай с полынью? Дюже горько!

Покрывая все голоса, вступает басом дьякон Левонтий:

– Го-о-орька-а-а!

Варвара встает, подставляет лицо. Иван легонько целует ее.

– Пора молодых весть отдыхать-почивать, – говорит Чуманиха.

Бабы обступают молодых. Феклуша приносит лампу.

– Бослови, батюшка. Бослови, Трофимыч...

Баранчик послушно говорит:

– Бог бословит.

– Не пойду... пуститя... – упавшим голосом бормочет Варвара и заливается слезами: – Бою-ся, мамка-а..

Под общий хохот бабы уводят рыдающую Варвару и Ивана.

– Небось, он табе не покалечить...

– У храме ее смех береть, в постелю иттить плачьть...

Бабы закрывают скрипучую дверь сарая, лязгает замок, голоса и смех затихают.

На подушках виднеется голова Варвары с пробором и заплетенной косой. Она дрожит, одеяло натянуто до самого носа.

Иван лузгает семечки, глядя на улицу в щель между досками. Жалобно взвыла собака, слышится топот босых ног. Он снимает пиджак, стаскивает сапоги.

Вздыхает корова в хлеву. Приглушенно доносится гармошка.

Глаза Варвары зажмурены, руки, сжатые в кулаки, прикрывают грудь. Он пытается сдвинуть их, она не дается. Иван недоуменно смотрит, ухмыляется:

– Али в карты сыграть?

Она убирает руки. Он задирает подол ее рубахи, ложится на нее. Она покорно лежит, отвернув лицо, вздрагивая от его прикосновений. Скрипит кровать.

Она чувствует, что он застыл. Варвара косится на него и зажмуривается, наткнувшись на недобрый подозрительный взгляд.

Подхватив портки, он соскакивает на землю. Она слышит, как он сворачивает сигарку и вдруг негромко свистит.

– Тута я... – шепчет кто-то.

С повети прямо над Варварой торчит из сена чумазая физиономия Тимохи, Егорова сына. Охнув, Варвара прячется

под одеяло.

– Тащи водки, – говорит Иван.

Он курит, на Варвару не глядя. Со двора доносится ругань, визжат бабы, там закипает драка. Доска сдвигается, в дыре появляется штоф, за ним миска.

– На кой энто?

– Стю день.

– Вали отседа. А то поймаю.

Он запрокидывает бутылку, пьет.

Когда Варвара решается высунуться из-под одеяла, он стоит у кровати, угрюмо уставясь на нее. Он сдергивает одеяло и, взявшись за вырез, разрывает на ней рубаху. Он грубо, с остервенением ласкает ее. Вдруг она чувствует легкость.

Сидя в ногах кровати, он с яростью бьет кулаком по деревянной спинке.

Кровать с треском разваливается, оба оказываются на земле. Откуда-то сверху с клекотом срывается петух.

Иван берет бутыль, бормочет:

– А блядовать будешь – зарезу...

В щели сарая пробивается холодный рассвет. Вода в логани покрылась коркой ледка.

Завернувшись в одеяло, стуча зубами, Варвара забирается в дальний угол, садится на корточки, мочится. Иван храпит на сене, раскинув ноги под овчиной.

Рыжий кот жрет студень, забравшись передними лапами

в миску. Он замирает, облизываясь, готовый удрать.

Варвара присаживается рядом и жадно ест студень из горсти.

Под утро приснился Варваре сон.

Как будто стоит колодец не то на дворе, не то в поле, и потекла из него вода. Побежали по срубам струйки, вдруг выплеснулась волна, сорвала дощатую крышку и хлещет, заливая все вокруг...

И Варвара проснулась.

– Ох, грех, грех... чужая моя сердца. И куры, окаянные, всю ночь шабаршили, спать не дали...

Посреди сарая стоит Феклуша, хмуро оглядывая поломанную кровать, снопы, перины и подушки на земле.

Иван просыпается, садится. Притулясь к его боку, лежит в сене Варвара.

Феклуша принесла куренка, нагнулась к бревну, тукнула топором. Подождала, пока он трепыхался, и стала кропить простынь цыплячьей кровью.

– Купил дуду на свою бяду... – проворчала она. – Чего космы-то распустила? Вставай, княгиня молодая. Бери ухват – да к печке. Погуляли, будя...

Девка гонит козу по улице и застывает, открыв рот, уставясь за ограду.

На дворе Феклуша развешивает на веревке наволочки, пе-

рину, простыню с багровым пятном.

Варвара моет полы в избе. Она выпрямляется, смотрит в окно на простынь, хлопающую на ветру.

В сумерках мужики молотят просо на току. Феклуша собирает в мешок провеянное зерно.

Ключья дыма тянутся из раскрытых ворот овина. Налетает ветер, мужики отворачивают лица.

– А Чукановым-то делиться вышло, – говорит Егор, ни к кому не обращаясь.

Работник Гришка оживляется, опускает цеп:

– То-то Стёпка, старшой, вчерась в трахтере шумел, мадеры спрашивал...

Под взглядом Баранчика он принимается за работу. Угрюмый Иван стучит как заведенный.

Панька, старшая сноха, сбрасывает на землю снопы, кричит, дуя на пальцы:

– Люди давно шти хлебають, шабашить пора!

Никто не откликается. Мерно ударяют цепи.

На крыльце громко топают, ухнула дверь, слышится затрещина.

– Куды прешь, бесененок, пралик тя расшиби!

Варвара выскочила в сени.

– Сестрица, не шумитя, погодитя, Христа ради!

– Ай спить кто? – удивилась Панька.

– Хлебы спужаются...

С багровым лицом, крестясь и бормоча себе под нос, Варвара вынимает горячий хлеб из печи.

– Нешто слово знаешь? – подозрительно спрашивает Панька.

– Я вам опосля скажу... – бормочет Варвара.

Тимоха уже за столом, стучит ложкой. Баранчик дает ему легкий подзатыльник, тот послушно вскакивает, крестится.

– Очи всех на тя, Господи, уповают, и ты даеши им пищу во благовремении...

Варвара принесла хлеб, положила перед Баранчиком, стала ни жива, ни мертва.

Перекрестив ножом каравай, он отрезает краюху, нюхает пар. Поднялся, протянул деду на печь:

– Кушайте на здоровье, папаша.

Баранчик потянулся к чашке с кулешом, за ним остальные. Распробовал горячее хлебово, покосился на Варвару.

– А сама?

– Напробовалася... – бормочет она.

Чашка быстро пустеет. Варвара тащит самовар.

Панька говорит:

– Ярка белая чегой-то захромала... поглядите, батюшка.

– Чего ты там давеча про Чукановых болтал? – спрашивает Баранчик.

– Да энто я так... – ухмыляется Егор. – Крячиха сказывала, Стёпку, вроде, отец отделяеть вчистую...

Баранчик, со вкусом хлюпая, тянет горячий чай. Феклуша разливает.

– А не сказывала Крячиха, почто они в мясоед одну репу трескають?

– Да будеть вам...

– Пока старик их дяржал, им в пояс кланялися. Первые богачи были. А помер старик, бабы передралися. Таперя за-место одного двора справного – два, один худей другого... Все бабы, от их вся зло, от баб...

Панька смеется. Иван уставился в пол.

– Думки твои мне известные... Ступай-кось чалому овса засыпь. Завтре картошек на базар повезешь. Панька с тобой пойдеть.

– А стряпать? – спрашивает Панька.

– Вчерась я стряпала, завтре ейный черед, – подтверждает Феклуша.

– Череду не надо. На стряпню Варькя станеть. И боле ни-кто.

У Феклуши темнеет лицо.

– Энто как же, Яков Трофимыч? Неладно выходить...

В сенях оборачивается Егор.

– Для чего, папаша, других баб обижать?

– Делай чего велено... – Баранчик косится на Варвару: –

Подь сюды.

Он стирает пот, не торопясь, достает кошелек, выкладывает медяки.

– Одиннадцать копеек... Завтре в лавку сходишь. Сома соленого возьмешь да цыбик чаю. Копейку он мне должон...

Под взглядами баб Варваре хочется провалиться сквозь землю.

Вздрагивает красный огонек лампы в кивоте, хлопает дверь. Баранчик принес ярку, опустил ее на пол возле печки.

Феклуша на коленях бьет поклоны. Храпит Егор, во сне вскрикивает Тимоха.

Лежа на полатах, Варвара смотрит в темноту. Рядом ворочается Иван.

Скрипит кровать под тяжестью Баранчика.

Перегнувшись через Варвару, Иван спрыгивает на пол. В сенях он сует ноги в валенки.

Феклуша, вскочив, прилипает к окну. Баранчик приподнимает голову с подушки.

На дворе Иван заводит лошадь в оглобли. Подходит Баранчик.

– А ну, вертай коня на место.

Иван молча делает свое дело, проверяет гужи, затягивает седелку. Кончив возиться с упряжью, открывает ворота и говорит:

– После погутарим. А то так уйду.

Баранчик качает головой, бормочет угрюмо:

– Ирод турецкай, булгак, весь в матерю покойницу...

На Михайлов день Баранчик на дворе подрезает кабанчика.

В фартуке, весь в поту, с голыми волосатыми руками, он работает с удовольствием, неторопливо и ловко. На завалинке дед щурится на тусклое солнце. Увидев Варвару с миской каши, он замычал, заволновался.

– А я тебе кашки запарила слатенькой... Да не бежи, дедунь, никто не отыметь...

Псы ворчат, вздрагивая от возбуждения, не сводя глаз с Баранчика. Он ухмыляется, поглядывая на старика.

– Энто он теперя тихой, как голубь, Трофим Яковлич. А был – чистый зверь. Как напьется, мы по суседям ховались с сестрой. Из прясла кол выпеть – и пошел махать. А имения своего – вша в кармане да блоха на аркане, всю жисть в ба-траках...

Феклуша наливает свиной крови в стакан, в другой – водки. Обтерев руки, Баранчик крестится, пьет водку, запивает кровью. Феклуша протягивает стакан Тимохе, тот с отвращением кривится.

– Какой ты мужик в таком разе? Варьке поднеси...

Варвара с удовольствием вытягивает стакан до дна, облизывает губы, кланяется.

– Благодарствуйте, батюшка.

У ворот останавливается телега с лошадью. Баранчик поднимает голову.

– А кучер иде же?

Варвара выскакивает на улицу, оглядывается по сторонам, заводит лошадь на двор.

Баранчик качает головой.

– Иде ж он его мотал? Этому коню сколь ума вложено – Ваньке бы малость призанять. Не поскупился Господь, ума дал, как енаралу. Выводи его да напои...

Пошарив в телеге, Баранчик вытащил из-под дерюги овчину и два мешка. Он пощупал овчину, развязал мешок, обнаружил в нем овес.

Тут появился Иван. На негнущихся ногах он зашел в калитку. Лицо у него было разбито, напухший глаз сочился кровью.

– А вот и кучер пожаловал...

Иван, не говоря ни слова, шагнул в сарай и завалился в сено. Баранчик пришел следом.

– Полежи, полежи, охолонися. Може, в башке твоей проветется маненько...

Варвара, с лошадью на поводу, сунулась в сарай.

– Батюшки, рубаху-то скидай, все пельки оторвали! А глаз-то, глаз!

– Проморгается, – сказал Баранчик.

– Вина дай, – велел Иван.

Дождавшись, пока она отошла, Баранчик тихо, со злобой заговорил:

– Пошто же ты девку страмишь, дурень? Привел жану, а сам к Аниске? Али силом на тебе хомут надели? А свадьба

энта? Сколь добра перевели, коня на энту цену купить... А овес откуль?

– В трахтире, хохлы в Усмань торговать ехали... А пушай зевло не разевають.

Варвара принесла водку.

– Воровать-то грех, ай не слыхал? – Баранчик подмигнул Варваре. – Чего ж мало взял? Овес добрый...

Егор дремлет на лавке. Феклуша читает, бабы и Баранчик слушают, лузгая семечки.

– ... Мнози бо зверие в той пустыни тогда обретахуся. От них же един зверь, рекомый арку-да, еже скажется медведь, иже повсегда обыче приходити к преподобному...

Соседка Крячиха переспрашивает:

– Ведмедь, что ль? Страсти какия...

– ...Иногда же блаженный сам алчен бываше, аще и един кус хлеба обреташе у него и то перед зверем оным пометаше...

– Чаво?

– Ведмедю давал, а сам голодный сидел, – сердито объясняет Феклуша.

Крячиха вздыхает, накидывает платок на голову.

– Вот оно, святые-то люди как жили... Будя, побегла к своему ведмедю...

– Давай-ка, бабы, по углам, – кивает Баранчик. – По сено ехать с ранья...

Убрал со стола, Варвара постелила овчину на сундук и улеглась. Феклуша стала на молитву. Баранчик собрался задувать лампу, но, поглядев на Варвару, насупился.

– Энто дело неподходящая, – сказал он. – Вставай.

Она поспешно села.

– Он, конешно, дураолом. Брага в ём молодая ишо киснетъ. А ты на свою сторону гни. Ты – баба, твоя места тама, где твой мужик, тверезый он али пьяный...

В сарае было темно и тихо. Варвара помолчала, потом пролепетала:

– Мне папаша велели сюды итить...

Спичка на мгновение осветила лицо Ивана. Варвара подождала, пока он закуривал, и полезла на сено. Набравшись храбрости, она сказала:

– Иван Яковлич, ежели ты со мной жить не хочешь, лучше я до мамани ворочуся.

Он приподнялся на локте, схватил ее за лицо, больно сдавил. Варвара сжалась, ожидая удара, но он не ударил, только смотрел на нее угрюмо. И вдруг выпустил.

Иван заворочался, зашуршало сено. Рука его легла на грудь Варвары.

Она осторожно подвинулась поближе. Потом она услышала храп.

На Николу Зимнего бабы собираются в церковь. Панька

летит от печки к зеркалу и натывается на Тимоху.

– Куды, чорт окаянный, своротил мне усе!

Баранчик недовольно косится поверх очков:

– Ты бы хуч в праздник-то без черта...

Тимоха, схватив зипун, налетает в дверях на Егора.

– Стой, дьявол!

– Тьфу, нехристи, черти вас забирають! – не выдерживает

Баранчик.

Тимоха, уже с улицы, кричит:

– Сёдни ж Микола кузнец в колокола играть будеть!

Феклуша рассказывает Варваре:

– С городу приезжают его слушать, кузнеца.

У нас колоколов один большой, четыре младших и два трезвончатых. Дак он с переливами, такой затейник...

– Запрягаю, што ль? – говорит Егор.

– Карьку не трожь, пушай отдыхнуть.

– Дай снарядиться-то! Не на пожар, чай! – кричит Панька.

Варвара ревниво следит за ней исподтишка – Панька куда ее нарядней.

– Яички-то позабыла! – всплескивает руками Феклуша. –

Варька, ступай собери яичков, отцу Еремею снести. Чевой-то он дюже неласковой...

Егор вытянул из сарая сани, пошел в конюшню.

Жеребец лежал на боку в соломе. Над ним на корточках сидел Иван.

– Вишь, вода гнилая идетъ с храпу, – сказал он, поднимая голову. – Я недоглядел. Вчерась, как с лесу приехал... За-студился Карькя.

– Варькя поила?

– Уж ты смолчи, – попросил Иван.

Подобрав подол, Варвара зашла в курятник и попала в объятия к работнику Гришке.

– А я тебе давно стерегу, касатка ты моя белоглазая, по-толковать хочу с такой бабой... – шептал он, целуя ее в шею.

Варвара отшвырнула его, он врезался в стену и упал. Куры подняли переполох.

– Ах ты, поганец! – она гадливо отерлась. – Ивану скажу, он тебе живо ребра переломаеть...

– Для кого бережешься, невеста без места...

– Вань! – позвала Варвара.

Гришку как ветром сдуло. Она принялась собирать яйца.

Кто-то затопал на крыльце, слышались голоса, закричала Панька. Варвара выглянула наружу и увидела Баранчика, бежавшего по двору. Она поспешила в конюшню.

Баранчик, стоя на коленях, держал морду жеребца. Бока лошади поднимались и опадали с хрипом. Желтоватая пена сочилась с губ.

– Может, за Матюхой слетаю? Мигом! – дернулся Егор.

Баранчик встал и вышел на двор, ни на кого не глядя.

– Кто его вчерась поил? – спросил он хрипло.

– Бейтя, – сказал Иван.

Все услышали, как Баранчик скрипнул зубами.

– Ну, Ванька...

Феклуша обернулась к Варваре.

– Она его поила и вываживала. Чего молчишь-то?

– Варька самая и есть, – подтвердила Панька. – Я от Крячихи прибегла, как раз она его поила, Каркью...

Баранчик шагнул к Варваре и ударил кнутом.

Она вскрикнула, выронив решето, и кинулась бежать. Он догнал ее и бил без остановки, входя в раж. Она упала. Наконец он выдохся и, отшвырнув кнутовище, пошел в избу.

– Гля-кось... – Панька наклонилась над Варварой. – Они ей всю лицо расквасили...

Феклуша качала головой.

– Таковую лошадь загубила!..

– Сама виноватая, – вздохнула Панька. – Наказывали тебе батюшка: выводи хорошенько...

Подождав, пока они ушли, Иван взял Варвару за плечо. Она отбросила его руку и глянула с такой ненавистью, что Иван опешил.

Баранчик полез в буфет, достал стакан, бутылку, налил. Выпил и стоял, глядя в пол.

За окном слышался колокольный перезвон. Панька шепнула:

– В церкву-то пойдём, али как?

Феклуша отмахнулась: погоди, мол, сама видишь. Иван

достал кисет, вышел в сени.

На крыльце он свернул сигарку, собрался закурить. Тут он заметил, что Варвары на прежнем месте нет.

– Варюха...

Никто не откликнулся. Он сошел с крыльца, заглянул в конюшню, в курятник. Ему почудился шорох, он прислушался. Взгляд его скользнул вверх к слуховому окошку сарая. Он кинулся в сарай.

Варвара, взобравшись на бочку, ладила петлю на веревке, захлестнутой за стропила. Услышав шаги, она заторопилась, сунула голову в петлю и прыгнула, но Иван успел поймать ее за ноги.

– Егорша! – закричал он.

Варвара кричала, билась в его руках, пыталась достать его кулаками.

– Не хочу, не хочу! – кричала она.

Прибежал Егор и, мигом взобравшись на балку, обрубил веревку.

Иван поставил Варвару на землю, она продолжала рваться, дралась. Он толкнул ее, она полетела в сено.

– Ай, грех какой, страмотища! – ахала Феклуша. – Ну, поучил тебе батюшка, дак уж и давиться! В праздник ишо!

Варвара сидела с веревкой на шее, обхватив колени, отвернув к стене разбитое лицо.

На пороге появился Баранчик.

Панька сообщила:

– Удавиться хотела... Вишь, какая гордёна.

– В церкву ступайте, – сказал Баранчик.

Он подождал, пока ушли все, кроме Ивана.

– Ступай, давися, – сказал он Варваре. – Встряпать не стану. И ему не дам.

Варвара угрюмо глядела в угол.

– Табе откель взяли? Ежли весь ваш двор продать с матерей в придачу... Ведь бедность голимая! А коню энтому двести рублей цана, не мене... Я тута хозяин, тута все в моей воле ходють. И ты ходить будешь.

Он повернулся и ушел. Трезвонили колокола.

В облаке пыли ползет по проселку телега. Баранчик, весь черный от пыли и пота, сидит в передке. За поворотом открывается река, желтеющее поле в низине.

Косцы обедают. Трещат кузнечики, да лук хрустит на зубях.

Подходит Баранчик, берет литовку, точит.

– Али вы тут ночавать собралися?

– Живоглот вы, папаша, – говорит Егор, налегая на картошки. – Полнивы какую с ночи размахали...

Баранчик мерно взмахивает косой. Встает Иван, поднимаются бабы.

Варвара вяжет сноп.

Скрытые по грудь во ржи, ровно, уступом идут косцы. Солнце вспыхивает на лезвиях кос.

Мошка тучей стоит у морды лошади, она отфыркивается. Варвара дремлет в телеге.

В ограде хутора топчутся, взбивая пыль, бесчисленные овцы. За колодцем виднеется крыша огромного шалаша. Отпихивая овец, Иван идет через двор.

Иван стукнулся головой о бревенчатый накат потолка. Низкая горница теряется в полутьме. По всей стене тянулись нары человек на двадцать.

– Тута, што ль, уваровского купца зарезали?

– Когда то было, при царе косаре...

На лавке сидит Дёма Цыган, перед ним бутылка и миска с огурцами. Разговаривает он лениво и нагло.

– Гляди, Трофимыч, ему щас деньги позарез. Он в Танбове магазины купил, мы таперя ссыпкой будем заниматься. Ему это все с рук сбыть скорей. Гляди, перебыють, вон барин с Кирсанова другой раз ездить...

– Капитал не дозволяеть, – бормочет Баранчик.

Дёма ухмыляется язвительно.

– Энто табе-то не дозволяеть? Куды ты их бережешь? Чертей на том свете поить?

– Сказал – цана несходственная, – Баранчик сердится. – Куды эвто? Одни облоги...

– Да они золотые, облоги-то! Ай сам не знаешь? Сюды назёму натолчёно – обоз немеряный. Облоги энти вздрать, да овсы пустить али ячменю – какие тыщи взять можно!

– Сам-то когда будеть? – спрашивает Баранчик.

– Сам-то? Вот гурта отгоним в Борисоглебск, после на ярмонку нам иттить. К медовому Спасу должен быть, беспременно...

Дёма провожает Баранчика через двор, забитый блеющими овцами.

– ...Они его в колодец бросили, купца, а он, не будь дурак, оттеля вылез. Они его в ножи. Вон тама в риге и откопали...

Варвара сладко потянулась в телеге.

– Энто чия такая будя, кобылица молодая? – спрашивает Дёма. – Твоя, Иван?

– Моя...

Варвара хмурится, дергает платок пониже на лоб. Они садятся в телегу.

– Хозяину-то чего сказать? – спрашивает Дёма, не сводя глаз с Варвары.

– Думать надоть... Пушай ишо сбавляеть.

Дёма ухмыляется, скаля белые зубы, кричит вслед:

– Дак я с табе много не возьму, не пужайся! Две красиньких да ведро вина поставишь, а?

Смеркается. Телега спускается с холма. Иван косится по сторонам.

– Вишь, ловок, цыган... да тута холку сотрешь яруги энти пахать.

– Эх, Ванькя... – хмуро вздыхает Баранчик. – Он дело говорить...

На мостках стирка, бабы стучат вальками. На берегу сидит старуха Бзыря, мусолит черный сухарь в беззубых деснах. Баба по прозвищу Трынка спускается к мосткам.

– Здорово ночевали, деушки. А я, вишь, как припозднилась со скотиной...

Они расступились, давая ей место. Домашка Слизниха при виде Трынки насупилась. Та опустилась на колени и стала вытаскивать белье из чугуна, в упор разглядывая Варвару.

– Чтой-то ты тихая нонче, – сказала Крячиха. – Али с похмелья?

– Мужик, леший, косою порезался, а пока я с им валандалась, козел все бураки помял...

Трынка все смотрела на Варвару.

– А на погляд ничего не видать. Девка и девка. Правду, што ль, гутарють, Ванька с тобой не живет?

Она спрашивала с беззлобным любопытством, и Варвара, не зная, что сказать, опустив голову, стучала вальком. Клашка засмеялась:

– Мужик не гораздый, так свекор-батюшка приголубить...

– Трофимыч-то? Ентот шустрый, только отвернися...

Варваре стало обидно за Баранчика.

– Папаша... – выдавила она. – Они справедливый...

Бабы заржали.

– Уж наведалься! – заливалась Клашка. – Баба Бзыря, скажи, а снохачи прежде были?

– А то!

– Али плохо? – ухмыльнулась Трынка. – Сперва свекор побалуеьт, опосля мужик придет, полировку дасть...

Домашка сердито плюнула.

– Тьфу, нечисть! Да я б ему всю рожу раскорябала, только б сунулся!

– Ты, Домашка, дюже гордая, – с невинным видом сказала Трынка. – А то бы приманула, уж отвалил бы Баранчик пятак за твои стропилы...

Бабы захохотали.

– Видал татарин во сне кисель, да ложки не было! – заливалась Трынка.

Домашка вскочила и спихнула ее в воду. Трынка вылезла, вцепилась в волосы Домашке. Началась драка. Бабы разнимали их, смеясь.

– Лягушка бесхвостая! Доска неструганая! Утоплю как кутенка!

Порядком помятая, Домашка, давясь слезами, схватила белье и ушла. Трынка отжала рубаху и, принявшись за стирку, опять пристала к Варваре:

– Неужли так целкой и ходишь? Ты ба к Чуманихе сходила...

– Ванькя-то с виду жеребец, – заметила Клашка.

– Он к Аниске ходил, она его не корила. Значить, справный, может по кобелиному делу займаться...

– А чего ж своих курей не топчеть?

Бзыря задумчиво сказала:

– А кто их, дьяволов, разбереть, какого им рожна надоть...

Варвара смеялась со всеми, радуясь, что от нее отстали.

Крячиха спросила:

– А ты слухала, как он с сыть? Неужли матеря не сказывала? Да у нас энто кажная девка знает! Мужик должен ссать, как конь, штоб кипела, горох с кусту сшибать должен. Тады он и табе нажарить не хуже жерябца. Ты послухай.

Вальки опять застучали.

– Ссыть он крепко, – робко сказала Варвара.

Бабы дружно покатались со смеху.

На дворе стояла лошадь, запряженная в телегу, тыквы навалены горой. Варвара с мытым бельем в пехтере зашла в калитку.

Ей слышались голоса в амбаре. Она хотела заглянуть туда, подошла, но, прислушавшись, застыла.

Оттуда доносился горячий шепот, возня и сдавленные стоны.

От летней кухни тянуло дымом, пыхтел котел, роняя пену. Варвара сняла его с огня и убежала в избу.

Стукнула дверь. Из сеней влетела Панька, разгоряченная и растрепанная.

– Ты пошто к печке совалася? Чего ты тама позабыла?

Варвара сделала вид, что роется в белье.

– Дак я...

– А энто што? Сам он туда прыгнул?

В руке у Паньки была дохлая мышь. Она схватила Варвару за волосы и стала таскать туда-сюда.

– Ты пошто мне мыша в котел поклала? Ах ты подколодница, анчутка белоглазая!

И сунула мышь ей за вырез рубахи. Варвара взвыла, как ужаленная, вырвалась и вытрясла мышь на пол.

– А я-то, дура, все не смекну! У мне молоко давеча вся скисла, заутре доенная! Принесла, поставила на одну минуточку...

Баранчик зашел в сени, черпнул воды и стал жадно пить. В его присутствии Варвара совсем потерялась, она боялась взглянуть в его сторону.

– За что же вы на мне напраслину говорите... – лепетала она.

Панька только рассвирепела.

– Вишь, тихоня! Лю ди-то недаром гутарюць, что глаз у ей урочный...

– Закрой мельницу, – сказал Баранчик, переводя дух, и покосился на Варвару: – А ты чего терпишь, овца бесхвостая? Отбрехаться не умеешь?

В сарае для скотины Варвара убирала навоз.

– Чего там ишо? Обратнo не поделили?

Иван пришел с поля.

– Подь сюды...

Она покорно подошла, стала перед ним. Он разжал кулак – на ладони у него лежали маленькие сережки.

Уронив вилы, она подняла на него растерянный взгляд. Обтерла руки, осторожно взяла сережку. Камешек блеснул розовым огнем.

В горнице умывался Егор. Заглядывая в зеркало из-за его спины, Варвара никак не могла попасть в дырку в мочке уха. Наконец попала, повела головой и, счастливая, повернулась к Ивану.

– Ой, Вань...

Феклуша с Панькой замолчали и тоже смотрели на Варвару.

– Небось, полтину отдал, не мене, – сказала Феклуша.

Баранчик, с сапогом и шилом в руке, глянул вверх очков:

– Ай с твою карману?

Варвара стала собирать на стол. Про сережки она не забыла, двигалась неторопливо, плавно.

У ворот кто-то кричал. Феклуша глянула в окно.

– Страница, што ль? Варья, поди, вынеси хлебушка...

Варвара с краюхой хлеба в руках открыла калитку.

Евсевна с палочкой беспокойно оглядывалась на собак.

Увидев Варвару, она вся расплылась счастливой улыбкой и шагнула на двор.

– Доча, дате моя... Эвон какая ты стала! А я, вишь, в Киев ходила, дай, думаю, кровиночку наведаю... Чего ты?

Варвара всхлипнула, и слезы ручьем полились по ее ще-

кам.

– Маманечка родная...

Евсевна хотела обнять Варвару, но та рухнула на колени, обхватила юбку и ее босые ноги.

– Золотая вы моя! Заберите меня отседова! Христом Богом молю, нету моих силон!

На крик все семейство вышло на крыльцо, и Евсевна перепугалась еще больше.

– Да окстися, страм какой, люди глядеть! Господь с тобой, Варюха!

– Зачем вы мне взамуж отдали! – вопила Варвара. – Алия вам постылая? Ножки ваши цаловать буду, христарадничать пойду, только заберитя!

С крыльца хмуро смотрели на них мужики.

У церкви топчется народ. Из толпы нарядных девок и баб доносятся взрывы смеха. Дёма Цыган развлекает их байками, скаля белые зубы, и то и дело косится на Варвару.

Она чувствует его взгляд и старается в ту сторону не смотреть.

Мужики потянулись к кабаку.

– А сам-то что ж? – спрашивает Феклушу Крячиха. – В городу застрял?

– Не поспел. Видать, не управился...

– В городу-то в соборе нонче сам преосвященный служить...

Подходит Панька, спускает Васятку, дает подзатыльник Тимохе, отряхивает его.

– В дерюге тебе ходить! Домой ступайте...

Она спрашивает Феклушу:

– Вы на кладбище-то пойдете?

– Ишо вон святить не начинали, а дома-то делов...

– Без вас управим. Мы вона с Варькей...

Она подмигивает Варваре. Та с удивлением косится на Паньку.

– Ступайте, вон лучше с Крячихой, поплакайте да яблочков на могилки положьте...

Когда Крячиха отворачивается, Панька говорит Феклуше:

– Слыхали, чего бабы брешут? Папаша, вроде, Сухалёв хутор купили... Энто где уваровского купца зарезали?

Феклуша в страхе крестится.

– Спаси Христос! Место клятое, кабы чего не вышло...

На углу Панька сворачивает в сторону от дома.

– Куды?

Она тянет Варвару за собой, смеется.

– Ах ты, тихоня белоглазая... Дёмка Цыган на угощенье звал.

– Да Иван узнаеть – убьеть!

– Невелик грех – в гости зашли, стакан вина выпили.

Праздник же.

Панька, оглянувшись, зашептала со смехом:

– Влюбился в тебя Дёма, пристал, как смола, полтора рубля обещался дать... Мужики в трактире, все одно пьяные придут. Он не обманет, Дёма, он до баб лютей! Дурой-то не будь, сразу не ложися, сперва денежки.

– Пустите мене...

Панька разозлилась.

– Ишь, богачка какая! Авось не лужа, хватить и мужу! Поди их заработай, полтора-то цалковых!

Варвара вырвалась и побежала. Панька закричала ей вслед на всю улицу:

– Боисся, что люди порчу твою увидют?

Посреди двора в пыли на солнце храпел Баранчик в пиджаке и сапогах. Рядом с ним стояла нераспряженная лошадь с телегой.

Варвара стала тормошить Баранчика.

– Вставайте, батюшка, Яков Трофимыч, страмота! Люди скажут, хозяин разлегся на дороге, как бродяга какой...

Он открыл глаза, приподнялся, он был пьян и мрачен.

– Пойдемте, батюшка, я вас на постелю отведу...

На кровати он тут же захрапел. Она стащила с него сапоги. Вдруг он сел, рванул ворот рубахи.

– А не хошь волку на холку? – Он показал кукиш. – Баранчик-то ишо сам кому хошь рога сломить...

– Да ляжьте вы, чего вам млеется! Где же вы так нахлестались?

Мутный взгляд его немного прояснился. Он поглядел по

сторонам и стал вставать.

– Вина дай.

– Може, вам закуски какой раскинуть, с дороги-то? У меня уха доспемши...

– Можно, раскинь...

Варвара принесла огурцов, хлеба, достала бутылку из буфета. Он налил водки, выпил. Съел ложку ухи и отодвинул миску.

– Своди меня на сенник, дух тута тяжелый, – он глянул на Варвару и мрачно засмеялся: – Я нонче такой кус откусил, дай боже проглотить...

В сарае он повалился в сено. Варвара принесла квасу, Баранчик жадно вытянул целый ковш. За распахнутой створкой был виден дед, сидевший на телеге.

– Иде все?

– Тетенька на кладбище собралися, мужики в трахтере, а Панькя...

– Ну, поцалуй меня ради праздника и ступай.

Варвара замялась.

– Ну?

Она опустила на колени и чмокнула его в щеку.

– Кто ж так цалует? Ты как полагается, по-нашему, по-русски. – Он ухмыльнулся: – Не чужия мы.

– Да будеть вам...

Варвара робко потянулась к его щеке.

Он с силой дернул ее за плечи, она потеряла равновесие

и упала на него. Он стал целовать ее в губы. Варвара рвалась, но Баранчик ловко перевернул ее на спину и навалился сверху.

– Папаша, окститесь, пуститя! Дедушка глядеть!

Она закричала, чувствуя, что он задирает ей ноги, он накрыл ей рот огромной ладонью, а другой стаскивал свои портки. На мгновение он приподнялся, рука его ослабла, и Варвара ударила его ногой в грудь. Он повалился на спину, стукнулся о камень и стал оседать.

Варвара вскочила, одергивая юбку.

– Батюшка, вы чего? Яков Трофимыч?

Она боязливо дотронулась до его плеча, встряхнула. Шея его дернулась, как у куклы. Варвара приподняла ему голову. Темная струйка вытекла из уха. Небольшая вмятина пониже затылка сочилась розовой кровью.

Дед на телеге сопел, пытаясь ухватить грушу деснами.

– Дедуня, ты же видал, видал?

Она рванула рубаху на груди и зашлась в крике.

По улице, обгоняя друг друга, бегут Иван с Егором. Кричиha, непрерывно говоря, старается не отставать.

Толпа у ворот расступается, пропуская их в ограду.

Баранчик лежал на том же месте под навесом сарая, прикрытый попоной.

Панька, простоволосая, стояла над ним на коленях, царапала себе лицо, и слезы ручьем текли у нее из глаз.

– И-и-и, на кого же ты сыночков своих бросил, детушек горемычных! – взвыла она, увидав Ивана. – Закрыв свои ясны глазыньки, батюшка наш родный!

Иван приподнял попону, Панька, продолжая рыдать, схватила его за руку.

– Не трожь...

Под попоной Баранчик так и лежал со спущенными портками.

Посреди двора валялась, рыдая, Варвара. Феклуша была ее черенком метлы. Двор был полон народу.

– Кормилец ты наш! – кричала Панька.

В руках у Егора появились вожжи, он стал ими охаживать Варвару.

Иван поднялся, подошел к Егору.

– Не трожь.

Егор обернул разгоряченное, красное лицо.

– Змею в дом привел! Убивица!

И поддал ногой Варваре.

Получив удар в зубы, он упал. Над ним стоял Иван с топором. Егор испугался.

– Свою учи, – сказал Иван. – Энто моя баба.

На дворе стало тихо. Он подошел к Варваре.

Она заслонила локтем, пряча лицо.

– Ступай в дом, – сказал Иван.

Она стала подниматься.

Так он и шел за ней с топором в руке.

Кладбище на взгорке. Отец Еремей кончает молитву, кропит усопшего.

Феклушу подводят прощаться. Она валится на гроб, раскинув руки.

– И-и-и! Крови-и-инушка, братец наш родный!

Подходит Егор. Вид у него растерянный, заметно, что он выпимши. Он боязливо целует покойника в лоб, мнетя и говорит:

– Дуб рухнул, дуб...

Панька, опередив Ивана, вырывается из рук баб и кидается к гробу. Она покрывает поцелуями руки Баранчика, лоб, губы.

– Соколик ты наш! Свет ты мой яснай! Али мы тебе не холили, не привечали!

Иван с каменным лицом стоит над бьющейся Панькой. Ее оттаскивают.

Иван склоняется над лицом покойника, смотрит. И вдруг, стиснув зубы, прячет лицо у него на груди. Подходит Варвара. Платок закрывает ей лицо. Она нагибается, целует руку покойника, не поднимая глаз. Гроб заколачивают, берут на полотенца, опускают. Поют «Со святыми упокой». Комья земли стучат о крышку.

Домашка с презрением говорит Варваре:

– Хоть бы повыла для прилику. Сноха ты али кто?

Варвара поворачивает голову. Домашка невольно отпря-

нула – такая ненависть на Варварином черном лице с разбитыми губами.

В избе сумеречно, света не зажигают. Дьякон Левонтий, перегибаясь через стол, тянет рюмку к Егору.

– Ты-то, Егор Яковлич, супротив покойника пожижей будешь, – говорит один из стариков. – Как ершик против шуки...

Егор ухмыляется.

– Конешно, воли-то не давали, все сами. Чуть не по-ихнему, сейчас в рожу заехать... А коли бы я захотел, давно бы на своей усадьбе сидел. Уважь, говорит, старый я, сынок, имей жалость... Как не уважить?

– Ты слухай, Ванька, слухай, чего старшой гутарить. Он табе таперя на место отца, и ты должен ему виноватиться...

Иван смотрит в окно. Полощутся тополя на ветру.

Феклуша сидит со стариками.

– Кваску бы, хозяйюшка...

– Здеся таперя хозяйка молодая, моя места таперя за печкей...

Панька, раскрасневшаяся, снует у столов.

– И, тетенька, грех вам гутарить, кому же кусок послаже да угол потеплей!

Феклуша довольна, но, не утерпев, указывает:

– А Мартынке кутьи не досталось...

– ...Врагу не сдаетца наш гордый Варях... – затягивает

мужик.

Ему напоминают:

– Не на свадьбе гуляешь.

Он соглашается:

– И впрямь...

Двор опустел. Феклуша закрывает ставни.

Иван сидит на камне под навесом сарая. Подходит Егор, закуривает.

– Вот она как жисть-то повернулася, – вздыхает он. – Сироты мы с тобой, братка...

– Делиться будем, Егорша, – угрюмо говорит Иван.

– Энто ты из башки выбрось. Ни полушки не дам.

– Не дашь – силком заставют. Мир поделить.

– Насупротив братана иттить? Забыл, чего тятя наказывали? Ишо могилку-то только зарыли...

Феклуша у крыльца прислушивается к разговору мужиков, но подойти не решается.

– Как привел свою анчутку, все наперекосяк завалилася, – бормочет Егор. – Кабы не она, и папаня живые были...

Иван молчит. Егор вдруг всхлипывает, хватает его за рубаху:

– На кого бросить хошь, Ванькя? Они же мне заедять!

Иван стряхивает его руки.

– Завтре к сотскому. И конец разговору.

К воротам хутора подъезжает телега, груженная всяким скарбом – соха, борона, сундуки, табуретки. Иван ведет лошадь в поводу. Впереди бежит пес, следом бредет корова, привязанная к задку телеги.

Варвара отворяет покосившиеся створки ворот. Они заходят на двор.

Рига с током заросла крапивой. Позади колодца виднеется соломенная крыша огромного шалаша. За оградой тянется до самого горизонта бурое поле.

– Одни облоги, – хмурится Иван. – И впрямь холку порвешь буераки энти пахать...

По стертým ступенькам они спускаются в землянку.

Иван стукнулся головой о бревенчатый накат низкого потолка. Длинная горница теряется в полутьме, свет падает из узкого оконца под крышей.

Варвара косится на грязный земляной пол, трогает трещины рассевшейся, давно не беленой печи. По стене тянутся нары человек на двадцать. Там и сям валяется тряпье, чугуны, поломанные ульи.

– У его тутá шашнадцать душ зимовало, у Сухалёва, – говорит Иван, принюхиваясь: – А дух стылый, нежилой...

– Зато сами себе хозяева, – бормочет Варвара.

Иван идет за сохой по целине.

Моросит дождик, листва берез на краю поля золотится. Тлеет костер, ворохом навалены корчеванные кусты, ветер

гоняет ключья дыма.

Иван останавливает лошадь, садится на корточки, подкапывает камень.

Подходит Варвара. Вдвоем они тащат камень на край поля, где высится горка из сложенных камней.

Стучает дверь, Варвара, схватив лампу, спешит в сени.

– Иде ты запропамши? Ой, мамыньки, как есть – водяной!

Иван, насквозь промокший, стягивает рубаху. Под ним лужа.

– Как раз горяченького похлебать да на печку, – она торопится, тащит утирку и сухую одёжу. – Скидавай всё, глянь, текёт, как с утопленника..

Она хлопчет у стола, достает с загнетки дымящийся горшок, отрезает краюху хлеба.

– Хлебы маненько подгоремши. Печка с норовом, ишо не приловчилась. А тяпло держать, не зазябнем...

Горница прибрана – печь блестит свежей побелкой, огонек лампадки мерцает под иконой в красном углу. Иван садится за стол.

– Вина нету?

Варвара виновато разводит руками:

– Откуль ему взяться?

Она стоит, смотрит, как он ест.

– Тута полку ишо б одну али пару, приколотишь? А то чугунички на земле, неладно... Глянь, чего нашла...

Она принесла и положила перед ним ходики с потемневшим циферблатом.

– Карасином помыла, кажись, они целые. Поглядишь? Гирьки в сарае валялися. Вот тута и повесить. Мы сидим, а они себе стук-стук, то-то важно будеть...

Иван молча хлебает щи.

Под утро приснился Варваре сон.

Как будто догорают дрова в печи, пробежит пламя и спадет, угли мерцают. А сама печка вроде как не в избе стоит – не то в поле, не то на опушке.

И вдруг хлынула вода из печи и хлещет потоком, заливая все вокруг...

С перепугу Варвара проснулась и села на полатах.

В окошко под крышей пробивается рассвет. Ходики тикают на стене. Никого нет.

Варвара тащит в сарай котел с горячим варевом. Свиньи, толкаясь, спешат к корыту.

Она садится к корове, оглаживает вымя. На дворе стучит калитка. Слышны неверные шаги, громко хлопает дверь землянки. Варвара доит.

Иван, босой, стоит у стола, пьет квас. Лезет на полати, лежит, уставясь в закопченные бревна потолка.

– А другие-то бабы ничаво, дюже довольные, – бормочет он. – Порча-то, видать, в табе сидить.

Не поднимая головы, Варвара разливает молоко по горшкам.

Варвара идет через просторный господский сад.

В аллее работают мужики, забивают ящики, грузят на телеги. Ползет воз с горой антоновских яблок. Девки, переключаясь звонкими голосами, сгребают и жгут листву.

Тропинка выводит Варвару на лесную дорогу.

Из-за темных елей виднеется покосившаяся замшелая банька.

Свет едва сочится в маленькое оконце. Не найдя иконы, Варвара перекрестилась на угол.

– Чего кстишься? Тута не церква... – сказал кто-то рядом.

Тряпье на полке зашевелилось, показалась косматая голова Чуманихи.

– На лавку положи, чего принясла...

Варвара послушно выложила яйца, хлеб, курицу, бутылку. Чуманиха слезла с полка, добыла уголек из печи, зажгла глиняную трубку.

– Ты ишо со двора не ступила, я уж чуяла. Давно тебе дожидаюся...

Порывшись в торбе, Чуманиха достает пучок сухой травы.

– Заваришь в горшок, да двенадцать дён мужика поить. В похлебку али в квас, он не почуветь...

Кряхтя, Чуманиха вытянула из-под лавки склянку, налила в нее воды.

– Одежу прихватила мужикову?

Она взяла протянутую рубаху, осыпала золой, щепоть белого порошка бросила в склянку. Приложилась к бутылке, покурила, напустила дыму, стала раскачиваться и негромко бормотать.

Над склянкой закурился пар.

– ...Стану не благословяся, пойду не перекрестяся, с избы не дверьми, со двора не воротами, во чистом поле стоять бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, послужите мне, беси, как вы Ироду-царю служили, летите на Окиян-море, на пуповине морской лежить Латырь-камень, на тем Латыре камени стоит дуб булатной, и ветвие, и корень булатной...

Она раскачивалась все сильнее, корчилась, как от судороги, взмахивала руками.

– Плюй, плюй! – вскрикнула Чуманиха.

Варвара послушно плевала.

– ...И как тот дуб булатной, столь бы крепко и яро ставали у раба божия Ивана семьдесят семь жил и семьдесят семь суставов, и одна жила становая и любовная кость, и стоял бы на женскую похоть, на полую место, на молодую молодницу, на красную дявицу, и стоял бы не погнул-си, не ворохнулси, не пошаталси...

Цепенея от страха, Варвара увидела, что вода в склянке закипает...

Сад опустел, утонул в тумане.

У костра работники ели кулеш, да нажаривала гармошка. Мужик у телеги окликнул Варвару.

– Ты, што ль, Варья? – он засмеялся, и Варвара узнала Гришку. – Ай к Чуманихе собралась?

Варвара смутилась.

– Прогнал тебе Егор?

– Да провались он... Такой скучный, тридцать копеек зажил. Все ему не по нутре, в каждую кормушку сунется...

От костра поднялся и подошел рыжий парень с ямочками на румяных щеках.

– Бабочка какая из себе славная! Зови, Гриша, до нашего салашу. Меня Митряем кличуть...

– Мне домой надоть...

– Ей на Сухалёв хутор, – пояснил Гришка. – С нашей деревни...

– А мы вас довезем, – ласково улыбался рыжий. – На конной тяге-то способней, чем ножки труждать. Захар, а Захар, доставим бабочку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.